

вание, я перешла к риторике, занялась философией, обратилась наряду с этими науками к поэтам и историкам и благодаря им сгладила шероховатости своего стиля. [...] Этот рассказ — не отступление, он нужен для связности повествования». В свое время *Пселл* писал об утилизации, прагматическом упрощении гуманитарной образованности — Анна через несколько десятилетий подхватывает и развивает его мысль.

Во многих смыслах Анна Комнина — явление уникальное в византийской историографии и истории литературы. Историческую ценность сведениям Анны придает живая непосредственность повествования автора — очевидца событий, сохранившего в тексте свидетельства, почерпнутые от высших государственных чиновников, из документов и посланий. Это, в частности, касается событий *Первого крестового похода*, описание которого у Анны принципиально отличается от мемуаров западных хронистов — участников похода. Они излагали события крестоносного движения в очевидно апологетических тонах, в то время как византийская принцесса, давая общую оценку важнейшему моменту средневековой истории, с проницательной глубиной вникает в суть этого неоднозначного периода. Она видит, что среди крестоносцев были и введенные в заблуждение простые воины и рыцари-хищники, нацеленные на обогащение, движимые в основном страстью к наживе. В отличие от западных хронистов, обвинявших Алексея Комнина^в предательстве, якобы послужившем причиной их бед, Анна, напротив, обвиняет латинян в коварстве и нарушении их собственных клятв, что и повлекло за собой несчастья как для крестоносцев, так и для самой Византии.

Труд Анны содержит уникальные сведения^с о еретических движениях, церковной политике, проблемах сохранения чистоты православия в Византии XI в. Так, подробно описывается полемика Алексея I Комнина с манихеями (см. с. 2-544) и павликианами (павликиан роднит с манихеями признание равноправия двух начал — добра и зла), рассказывается и о жес-